

ОПРАВДАНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЬНОСТИ (по произведению Т. Мора “Утопия”)

В статье утверждается, что только с появлением утопического сознания Т. Мор в своей “Утопии” сумел найти разумные доводы, раскрывающие смысл добрых дел человеческих и оправдывающих добродетельность людей.

Введение

Добродетельность удостоилась внимания древнегреческих поэтов и философов, закладывающих фундамент европейской цивилизации и духовной культуры. Гесиод (VIII – VII вв. до н. э.) и Сократ (469 – 399 до н. э.) явились ее первыми почитателями. Интерес к такому свойству людей, как добродетельность, не был случайностью. Добродетельность (благодаяние) проявляется как намеренное действие человека с последствиями, отвечающими насущным интересам людей, полезное для их общего бытия. Благодаяние всегда преследует развитие и укрепление в обществе таких благодатных нравственных устоев и, соответственно, такой чистоты моральных помыслов, которыми утверждаются возвышенные идеалы. Поэтам и мудрецам и представлялось вполне закономерным умозаключение: поскольку каждый из разумных людей всегда хочет себе только добра и не может желать себе зла, постольку каждый человек может действовать только добродетельно, как в отношении самого себя, так и в отно-

шении всех других людей. И, казалось бы, ключ к счастью каждого человека, к достатку всех людей, к успеху во всех делах найден. Добродетельность – условие благодной жизни людей.

Словом, то, что добрые дела, добро могут делать только люди, уяснено было сразу же и без особых хитроумных рассуждений.

Однако чем далее шло общественно-историческое развитие, тем все более и более практическая действительность опровергала простые заключения рассудка. В общественной жизни, как бы наперекор разумности и доброй воли людей, появились такие злодеяния, как насилие, обман и воровство, нравственная порочность и социальная несправедливость. А так как злодеяния можно осуществлять только в отношении благих дел, то получалось, будто сама добродетельность людей заключала в себе такое противоречие, которое и выступало причиной, вызывающей в обществе потребность в злодеяниях. Для мудрецов Нового времени, которые задумывались над проблемами благодатного усовершенствования жизни людей, задачи значительно усложнились. Мыслителям предстояло не только научить людей вести борьбу со злом. Им следовало также подсказать людям, как усовершенствовать добродетельность, чтобы добрые дела не оказались действиями, которые, как проклятые, сопровождаются злодеяниями.

Только с формированием утопического сознания впервые появилась возможность теоретически, с прочных философских позиций “оправдать добродетельность”, то есть доказать правомерность требований морализирующего человеческого разума устанавливать в социально-экономических и социально-политических устоях такой порядок, который бы обеспечивал справедливые воздаяния именно за добрые дела. И, соответственно, в человеческих сообществах следовало установить (моральный) порядок, карающий за (аморальные) злодеяния.

Основная часть

Исследовавший сущность утопического сознания белорусский ученый Ч.С. Кирвель справедливо отмечает, что утопическое сознание есть специфическая форма ценностного освоения социальной реальности [1, с. 45-66]. Социальными утопиями рождены представления о желаемом будущем человеческого общества [1, с. 4]. Утопии стали индикаторами социального протеста и неприятия существующего общественного бытия. В них проявилось желание обрести иную социальную действительность. Утопическое сознание позволяло вести поиск решения проблем: что такое “правильное” общество?; могут ли люди стать господами собственной судьбы? [1, с. 13]. Утопия – “одна из форм донаучного (но научного по смыслу) сознания” [1, с. 19].

Среди всех знаменитых утопий, прежде всего, следует обратить внимание на сочинение Т. Мора. На заре Нового времени автор задумал вернуть человечество на стезю добродетельности. Уже одно ее название способно вызвать неподдельный интерес у личностей, склонных к размышлениям. Вышедшая в 1516 г., она называлась “Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия”. Автор признавался уже в заглавии, что “повествует” в книге о жизни людей на острове Утопия, т.е. о жизни на острове, которого нет. Разговор же он будет вести не для того, чтобы посеять иллюзии о некоем земном рае. Он написал сочинение, чтобы поведать людям знания, которые облагораживают чувства и разум. Он повествует о мыслях, идеях и идеалах, одухотворяющих самосознание. Мыслитель ставит своей задачей ознакомить читателей с философско-теоретическими абстракциями, бла-

годаря которым можно закономерно отличать добро от зла, добродетельность от зловредности.

Утопическое сознание начинает активно проявлять себя в исторический период зарождения нового капиталистического способа производства. Промышленная революция все более демонстрирует возможности власти человека над природой. Идет первоначальное накопление капитала. И третье сословие, буржуазия, начинает осознавать свои классовые интересы. Тут-то и появляются социальные мыслители, нацеленные решать специфические социологические проблемы.

Социальных мыслителей интересует, как же так случается, что в странах, имеющих богатые земельные угодья, необходимые для производства полезные ископаемые, располагающих довольно усердно работающим населением, нет того благополучия, наличие которого только и делает жизнь человеческой? Почему в государствах, где правители, правительства, вроде бы, проявляют заботу об улучшении общественных дел быт людей такой неустроенный и гнетущий? Кого винить в ежедневных бедах? И они, наконец-то, выявили корень всех бед человеческих – частная собственность!!! Именно господство частной собственности, по их утверждениям и заключениям, является главной причиной всего неблагополучия...

Как же исправить положение в общественных делах? – Найти средства нейтрализации или даже ликвидации частной собственности. И, прежде всего, следовало бы устранить частную собственность из экономических отношений, где она выступает причиной возникновения зловредных, несущих зло нравственных качеств людей. Нужны такие средства, которые позволяли бы воспитывать, формировать и культивировать благородные, добродетельные нравственные качества. Такими средствами виделись благонамеренные моральные истины.

Наивно? Но именно так рассуждали мыслители, верившие в силу человеческого разума, способного образумить каждого человека, вразумить все человечество. А разве наивна вера в человеческий разум? Разве наивно верить в благородство человека, в глубинную справедливость и истинность его чувств и желаний? Тогда зачем человеку разум? Зачем человеку воля к действию? Тогда зачем уметь писать и читать, зачем уметь что-либо делать? Стоит ли кого-нибудь чему-либо поучать, а самому чем-либо заниматься, что-нибудь стремиться понять? Но ведь без всего этого и сама жизнь человеческая бессмысленна! Тогда бы сознание человека, его самосознание, его самочувствие, его мышление, как и сам объективный мир, их порождающий, были бы бессмысленны...?!

Значит, не наивны были мыслители, поставившие перед собой задачу найти средства, улучшающие как бытие, так и сознание, духовный мир людей. Совершенно справедливы были и их утопические идеи, утверждающие необходимость коренной перестройки всей системы общественных отношений. Сквозь фантастический покров в них высвечиваются гениальные мысли (Ф. Энгельс). Знакомство с произведениями социалистов-утопистов есть в известной мере насущная потребность современных людей.

Познакомимся с теми положениями и идеями, которые автор “Утопии” высказывает, рассуждая о необходимости высокой нравственности и моральной благодетельности.

Страстное желание сделать жизнь людей более добродетельной двигало Мором, когда он писал свой главный труд. Книга должна была затронуть многие сословия, разных по своим нравам людей. Он знал, что во многом усложнит

свою жизнь написанием подобного произведения. Но он сам выбрал себе путь добродетельности. Он только “очень старался, чтобы в книге не было никакого обмана” [2, с. 110]. Его произведение не сказка, хотя и имеет, в определенном смысле, форму сказки. Слишком сложен был предмет этой сказки. “...Раз я решил писать о государстве, и мне пришла на ум эта сказка, то, возможно, я не хотел отказаться от такого вымысла, который вводит в душу людей правду легче всего, словно она смазана медом” [2, с. 296-297]. Сказка была таковой, что в ней можно было “увидеть те источники, откуда истекает почти все зло в государстве” [2, с. 19].

Мор выступает с идеей светского государства, как решительный сторонник бесклассового общества, в котором господствуют устои, способствующие “райской” жизни на земле. Главной целью сочинения было выяснение, в чем заключаются причины социального неравенства и растущего обнищания трудящихся. Только на этом фоне Мор предпринимает попытку спроектировать идеальный образ жизни и соответствующую ему нравственность людей труда. Только там, где каждый человек обеспечивает свое жизненное существование трудом, где труд почетен, там нет пороков.

Мор, конечно же, понимает, что одними проповедями или же научными, логичными доказательствами нравы нельзя изменить. Поэтому, нацеливаясь изменить нравы, он начинает утверждать необходимость изменений в общественных отношениях. Прежде всего, необходимо, считает мыслитель-утопист, чтобы исчезла частная собственность. Ибо, “...где есть частная собственность, где все измеряется деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо и счастливо” [2, с. 162]. Если “кто-нибудь, основываясь на определенном праве, присваивает себе сколько может, как бы ни было велико богатство, его целиком поделит между собой немногие. Остальным же оставят они в удел бедность...” [2, с. 163-164]. Он подводит к выводам: “для общественного благополучия имеется один-единственный путь – объявить во всем равенство”; в обществе, где господствует общественная собственность, и “добродетель там в цене, и при равенстве всем всего хватает”; навести нравственный порядок невозможно среди “тех людей, которые отвергли уложения, распределяющие все благо поровну на всех” [2, с. 163].

В социально больном обществе сама нравственность порождает безнравственность. Людям же следует показать пусть созданное мечтой и фантазией, но социально и нравственно здоровое общество. И Мор “вводит” читателей в мир *своей* Утопии. Он “рассказывает” о нравах, царящих в стране, у каждого из жителей которой нет никакой собственности. Озабочен же мудрец не столько тем, чтобы рассказать о добрых нравах, сколько тем, чтобы показать те общественные основания, на которых зиждется добродетельность утопистов.

У утопийцев продуктивной работой заняты все. Даже должностные лица не уклоняются от труда. Поскольку никто не занимается ремеслами, служащими роскоши и беспутству, достаточно и шести часов труда, чтобы обеспечить всех членов общества необходимыми средствами жизни. У них есть свободное время, которое они проводят не в разгуле и беспечности, а посвящают личному развитию, совершенствованию своих духовных сил. В предзакатные часы они устраивают публичные чтения, в которых участвуют склонные к занятиям науками. После ужина утопийцы проводят время в играх, занимаются музыкой или развлекаются беседой. И для воспитания нравов у них есть вечерняя игра, в которой пороки и добродетели как бы борются между собой. “В этой игре весьма

умно показывается спор пороков между собой и, наоборот, согласие добродетелей. Также показывается, какие пороки каким добродетелям противопоставляются, каким силам открыто противостоят, с какими уловками нападают со стороны, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими способами избегают они их покушения и, наконец, как та или другая стороны обретают победу” [2, с. 185-186].

Образование играет большую роль в жизни утопийцев. В почтении у них люди, занимающиеся науками. Хотя каждый стремится принести как можно больше пользы. Само государство так устроено, что важна только одна цель: “насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни” [2, с. 188].

Особое внимание уделит Мор этической проблематике, занимающей утопистов. Он замечает, что в этих вопросах у утопийцев пока нет единого мнения. Не так просто найти научную логику, позволяющую решать проблемы этики. Их ученые, рассуждая об удовольствиях и добродетели, ведут спор о том, в чем человеческое счастье – в чем-нибудь одном или же во многом?.. [2, с. 210]. Для обоснования своих морально-нравственных представлений утопийцы берут из философии только то, что основано на доводах разума, то, без чего стремление к истинному счастью будет слабым и бессильным. Мыслитель последовательно защищает воззрения, что человек должен жить в согласии со своей природой, как и в согласии с объективной природой вообще. В этом смысле он считает бесчестным призывать людей не только терпеть страдания, но и умышленно подвергать себя им, ибо “истощать тело постами, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы в высшей степени безумно, жестоко по отношению к себе и чрезвычайно неблагодарно по отношению к природе” [2, с. 224]. Бессмысленным считает он сокращать самого себя в угоду смягчения бед, которые не произойдут. Человек должен наслаждаться жизнью, уметь видеть красоту природы, ценить природное здоровье, силу, проворство, делать свою жизнь прекрасной. С помощью человеческого разума нельзя выискать ничего более верного.

Вопрос об истоках благоденственных нравов людей остается наиболее острым. Мор учитывает, что в мире всегда останутся и болезни, и страдания, и смерть, порождающая страхи. И все же, на чем основывается нравственное благодеяние, что обуславливает исполнение людьми долга благочестия? И он рассуждает так: “Было бы лучше, если бы страдания происходили по природной необходимости или же касались тех, кто противится долгу благочестия” [2, с. 213]. Понимание “долга благочестия”, пожалуй, наиболее яркое место в учении Мора о нравственности. Он понял и показал, что основы несчастья людей лежат в организации общественной жизни. Чтобы быть благочестивым на земле, нужны не молитвы и бдения, нужна справедливость в общественных отношениях. Справедливость и проявляется как долг благочестия. Если в обществе торжествует справедливость, то в нем есть место и благодетельности, и удовольствию, и счастью.

Долг благочестия воплощается в жизнь народом, который не угнетен тиранией и не обманут хитростью законов о распределении жизненных удобств, то есть основы удовольствия. Мор поучает, что именно справедливое распределение жизненных благ – основа добродетельности людей. И если законы общественной жизни защищают добродетельность, то она утверждается в каждом. “Соблюдать

эти законы, заботясь о своей выгоде, – дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества – признак благочестия”. Основой несправедливости является то, что люди, удовлетворяя свои удовольствия, похищают чужие. “И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать это другому – как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько возвращает нам назад”, – резонно поучает морализирующий ученый [2, с. 214].

Почуя жизни по общечеловеческим законам, Мор не стоит ни на позициях альтруизма, ни придерживается и “разумного эгоизма”. По его мнению, долг доброты тем и человечен, что сила воздаяния от всех людей во много раз по своей мере превышает вклад каждого отдельного человека. Поэтому он и призывает вести себя так, чтобы вклад в общее дело был основой всеобщего благосостояния, счастья, благополучия. Только там, где общее возрастает не в меру вклада каждого, а каждый пользуется этим выросшим благом как средством удовлетворения своих потребностей, становится возможным, чтобы каждому возвращалось больше, чем он сам вложил.

Добротель порождает действенные дела и поступки. К этим поступкам нужно быть готовым. Добрым делам следует учиться. Воспитание и обучение должно базироваться на мудрости и благородстве добродетельных людей разных исторических эпох и народов. Мор приводит список книг, которые изучают островитяне. Список включает произведения выдающихся философов, историков, поэтов и писателей Древней Греции, Рима и Византии [2, с. 226-228]. Утопийцы познают науки и искусства, которые помогают им делать свою жизнь удобнее и лучше.

Знакома жителям Утопии и христианская религия. Она показала им наиболее приемлемой. Христианство оказалось им ближе всего по духу, ибо они считают, что “Христу нравилась общая жизнь”. Вообще же, они проявляют терпимость к любому виду религиозного сознания, но полностью отрицают религиозный фанатизм. Еще легендарный основатель государства Утоп, чтобы прекратить бессмысленные религиозные войны, объявил нерушимым законом, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии. Но это не нужно понимать только как некую “свободу совести”, когда каждый следует какому-либо культу, а другим до этого дела нет. Утопийцы убеждены, что и религия должна служить выявлению истины, “которая когда-нибудь выплывет и обнаружится сама собой (если провести дело разумно и умеренно)” [2, с. 259]. Религий много, но все они не приближают к истине. Истина – одна, и к ней приводит наука.

Воспитание основ нравственности происходит на посылках научных знаний о земной жизни и ее закономерностях, поэтому так действенны гуманистические требования. Важную роль тут играют и воспитатели – священнослужители. Воспитатели избираются из ученых людей. Их избирает весь народ. Их немного, и выбирают их с великим тщанием, ибо “трудно найти много столь хороших людей, годных для сана, получить который невозможно, имея лишь обыденные добродетели” [2, с. 267]. Воспитатели обладают исключительным благочестием. Главное в их деятельности – убеждать и увещать, спасать людей в самые трудные минуты, быть примером, побуждать к милосердию, напоминать о долге людей друг перед другом. Они только не могут никого карать силой и не обладают никакой властью.

При всей важности нравственного воспитания людей, соблюдения обычаев, которые поддерживают нравственность, самую главную причину и самую существенную основу в утверждении гуманизма Мор видит в организации обще-

ством социально-экономических устоев. У утопийцев нет ничего личного, поэтому они всерьез заняты делами общественными. В других странах только говорят о благополучии общества, а по-настоящему заботятся только о своем собственном благосостоянии. Да и как же тут не быть эгоистом, как не заботиться о собственном благополучии, ведь, каким бы ни было процветающим наше государство, иронизирует Мор, тот, кто не имеет средств для собственной жизни, умирает с голода. Только там, где все принадлежит всем, каждый ни в чем не имеет нужду, если проявил заботу о собственной житнице. Здесь нет скаредного распределения добра, нет ни бедных, ни богатых. Здесь никто не мучается от жалобных требований жены, не страшится бедности сына, не беспокоится о приданом дочери. А если люди сыты, уверены, что будет обеспеченной жизнь их потомков, то у них нет постоянной, изматывающей душу тревоги, они спокойны душой, а ведь в этом спокойствии – богатство и счастье [2, с. 273-274].

Где нет богатства у отдельных лиц, там нет места несправедливости, нет праздности, как нет и лиц, терпящих нужду. Нет там места алчности и всем связанным с ней преступлениям: обманам, кражам, грабёжам, тягбам и распрям. Общественная собственность делает людей благородными и благодетельными. Она позволяет преодолеть в истоке главный нравственный порок общества частной собственности – гордыню-высокомерие. Ведь гордыня измеряет свое счастье не своими удачами, а чужими неудачами; ее счастье сияет только на фоне убожества; ее богатство – в усилении бедности других; ее власть проявляется в глумлении над теми, кого она сделала убогими [2, с. 276-278].

Мор прямо связывал нравственные добродетели – счастье, благосостояние, благодетельность людей, чистоту их помыслов и благородство их идеалов – со справедливыми социально-экономическими устоями общественной жизни. Защищая воззрения о необходимости введения господства общественной собственности, мыслитель утверждает, что утописты уже “нашли такие жизненные устои, положили их в основу государства не только весьма счастливо, но и, насколько может предугадать человеческое предвидение, навсегда” [2, с. 278]. Он убедительно доказывал, что общественная собственность обусловит образ жизни, при котором будет отсутствовать обращение денег. А с исчезновением денег исчезнет и власть частных собственников над условиями личностного развития людей. Новым образом жизни общественных индивидов будут полностью уничтожены знатность и установлено равноправие. Вместе с этим исчезнут бессмысленный блеск, великопение и величие лиц, что сейчас выступает главнейшей основой государственности частных собственников.

Заклучение

Появление мыслителей с личностной утопической формой сознания, конечно же, проще всего было бы представить как удовлетворение потребности общества в благородных социальных мечтателях. Они якобы порождают утопии только для успокоения собственной и общественной (сословной, гражданской) совести и праведных возмущений бессильного человеческого разума. Такова в целом суровая и коварная оценка, особенно в отношении социалистов-утопистов с точки зрения идеологов и моралистов современной сверхпрагматичной утилитарно ориентированной эпохи. Пока утопии – мечта, они видятся даже прогрессивным явлением в духовной жизни, культуре. При попытке же превратить мечту в социальные устои реальной жизни, утопии становятся якобы тиранической силой в руках узурпаторов.

На наш взгляд, такое теоретическое толкование сути утопического сознания несправедливо ни по своей сути, ни по смыслу, ни по роли, которую оно играет в общественной жизни. Когда стали общественным достоянием научные воззрения на закономерности исторического развития человечества, то стала ясна и общественно-историческая значимость утопического сознания. Именно утопическое сознание сыграло свою великую роль в ориентации научного разума на социальные противоречия, анализ которых позволит выявить исторические тенденции и перспективы общественного бытия и сознания человечества. Человеческий разум еще раз подтвердил, что оправданы были все надежды людей на его всеислие. Он и в дальнейшем способен постигать все истины самого различного их характера и свойства [3, с. 3-52]. Когда еще не были известны социальные научные истины, как раз утопическое сознание явилось той формой индивидуально-личностного сознания выдающихся мыслителей, которое позволяло видеть добродетельность в практике человеческой деятельности и оправдывать добродетельность как самый сущностный момент революционно-практической деятельности человечества при преобразовании устоев общественного бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кирвель, Ч.С.** Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции / Ч.С. Кирвель. – Минск : Университетское, 1989. – 190 с.
2. **Мор, Т.** Утопия / Т. Мор. – М. : Наука, 1978. – 415 с.
3. **Чесноков, Н.Г.** Атеистические воззрения на мораль и нравственность социалистов-утопистов / Н.Г. Чесноков. – Могилев, 1992. – 216 с. деп. в ИНИОН РАН № 47005. 9.02.92.